

УДК 398.22(571.54)

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-215-223

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ О ПРАЗДНОВАНИИ РОЖДЕСТВА И СВЯТОК

© Тихонова Елена Леонардовна

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tipldk@yandex.ru

Рассматриваются устные рассказы русского населения Бурятии о том, как раньше праздновались Рождество и Святки и что из традиции празднования сохранилось до наших дней. Анализ рассказов показывает, что до середины XX в. в прибайкальских селах активно бытовала традиция христославия и колядования. Сегодня традиция колядования возрождается, но утрачивает магическую функцию, колядование приобретает развлекательный характер. Согласно устным рассказам, сохраняется/возрождается также традиция ряженья, включающая в себя ритуальный смех и ритуальное молчание. Важнейшим обрядовым действием Святков являлось гадание с целью предсказать будущее, гадающие приобретали знание о своей дальнейшей судьбе. В целом семантика устных рассказов русского старожильского населения Бурятии о праздновании Рождества и Святков — это описание фрагментарно сохраняющихся/возрождающихся традиционных обрядовых действий, связанных с рождественско-святочным комплексом.

Ключевые слова: устный рассказ; Рождество; Святки; традиция; ритуал; обряд; обычай.

В фольклористике все более актуальным становится изучение традиционной народной культуры в ее локальных проявлениях. Поэтому сегодня закономерно возрастает интерес к традиционным календарным праздникам и календарно-обрядовому фольклору в его, скажем так, «хронотопичности». На материале устных рассказов-воспоминаний о календарных праздниках прошлого, записанных в старожильческих селах Бурятии в начале XXI в., мы попытаемся реконструировать и исследовать систему традиционной святочной обрядности русского старожилого населения Бурятии, а также проследим современное бытование рождественско-святочного комплекса.

В рамках крестьянского календаря на период зимнего солнцестояния приходится праздничный цикл Святков, которые начинались в Рождественский сочельник и заканчивались Крещением. На основании устных рассказов старожилов нашего края можно утверждать, что на Рождество повсеместно в Забайкалье была распространена традиция христославия, а также колядования. «А расскажите, как Рождество отмечали? (Соб.). — Рождество? А Рождество тоже вот так же стряпали, да все. Да ходили славили ребята по соседям. Пели тама-ка, молитву каку-нить читали. Яицы давали, печенье давали. Вот кажный бегали, кому охота, а кто не хотел-то — не бегали. Встречали Рождество. Пели. <...> Мы Богу молились. Свечки зажгут, в

кажном доме свечи на Рождество тоже зажгут. И молились, вот, Богу молились» [ПМА 1].

К сожалению, сегодня ни один из опрошенных информантов не смог воссоздать полный текст христославия (рождественского тропаря)*, в лучшем случае вспоминали отдельные строчки: «Ну, поздравят с праздником, скажут: “Рождество Христово”, читают: “Рождество твое, Христе Боже нас. Возсияй миру и свет разума. Я чаху, чаху небу кланяюся”, — больше я не знаю. Забыла все. Я знала все вот это божество» [ПМ 2]. «А на Рождество Христа славили, пели? (Соб.). — Пели как-то рождественски...даже не скажу вам. <...> Пели “Рождество твое, Христе Боже”. Вот это и помню, а больше ничего не помню» [ПМА 3].

Тем не менее по воспоминаниям информантов можно утверждать, что до середины XX в. в прибайкальских селах активно бытовала традиция христославия и колядования. Эти элементы святочной обрядности относятся к типу обходных магических обрядов, структурной схемой которых являются посещение домов (а) с определенной ритуальной целью (б) и получение даров от хозяев дома (в) [1, с. 21]. Уже в XX в. многие исследователи отмечали, что в святочной обрядности происходит разрушение и утрата магической функции обряда (структурная часть б), на первый план выходит развлекательная функция. Однако, по рассказам информантов, традиция христославия и колядования, издревле имеющая религиозно-магический характер, довольно часто приобретала не только развлекательную, но и практическую, обусловленную тяжелыми жизненными обстоятельствами направленность: «Рождество, она (бабушка информанта. — Е. Т.) говорила, когда ваи, говорит, отец был маленький, мы жили очень бедно. Она говорит, я его отправляла, в общем, берет он сумку и ходил славил, Рождество пел, Рождество. Но приносил, говорит, по полной сумке пирожков. В каждый дом. (Ухова Г. М.) — Пирожки и тарки. Тарки — это назывались печенюшки. Оне с брусничкой стряпанные, назывались тарки. Она их, песни когда он славил, пел: “Не дадите тарку, уведем у вас ярку, не дадите пирожка, мы корову за рожка” (Коневин М. И.) — Так пели, ага (Ухова Г. М.)» [ПМА 4].

Обряд колядования характеризуется обязательным включением в традиционную схему обряда вербального текста так называемых песенных колядок, с традиционными мотивами выпрашивания даров и угрозы наказания за отказ одарить колядовщиков. Зафиксированная в приведенном выше рассказе формула-угроза (колядка) «Не дадите тарку, / Уведем у вас ярку. / Не дадите пирожка, / Мы корову за рожка» имеет локальный характер, в таком варианте она была распространена в сибирских селах, поскольку тарки пекли именно в Сибири. На это указывает и В. И. Даль в своем Словаре: ТА'РКА — ж. и тарки мн., сибирское слоеное печенье: клетки теста, с изюмом или вареньем посредине [2]. Еще один пример: «А где пели, под окнами или в избе?

* Для сравнения приводим текст тропаря праздника Рождества Христова: “Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся, Тебе кланялися Солнцу правды и тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе!”.

(Соб.). — *В избу, в избу, в избу. В избе уже, в избе славили, просили вот это, славили. А раньше же стряпали вот эти тарки, тарки. Пирожки и тарки. Значит, “Не дадишь мне тарку, выведу я ярку (овцу, ярку). Не дадишь мне пирожок, я унесу быка за рожок”. Вот это всё приговаривали. Вот тебе подадут... пирожок подадут и тарку подадут»* [ПМА 6]. Сегодня христославия и колядки, которые исполнялись во время святочных обходов домов, практически забыты, и поэтому каждый записанный текст или даже его фрагмент имеет научную ценность, определяя состояние календарно-обрядового комплекса в прошлом и настоящем по принципу *было/сохранилось* или *было/утрачено*.

Во время святочных обходов христославщиков и колядовщиков угощали специально испеченным ритуальным хлебом — жаворонками (скорее всего, информант путает название выпечки): *«Ну, утром рано спишь, а там как называли, жаворонки или чо ли, ага, стряпали. На Рождество тоже там стряпали. Это отдельно, которы придут “Рождество твое Христе Боже” поют, потом имя' подают жаворонков. Да, и жаворонков, и стряпушек каких-то еще»* [ПМА 5]. Ритуальный хлеб в разных своих ипостасях (блины, пирожки, печенье, булочки/тарочки, рожки, вафли) присутствует практически во всех обрядах и наделяется продуцирующей функцией и/или функцией оберега. Как отмечает В. Я. Пропп, поедание ритуального хлеба «самим народом понимается как продуцирующий обряд и иногда — как оберег. <...> Сделанные в этот день фигурки уже своим наличием должны были влиять на будущее» [3, с. 29]. Также ритуал, как явление изоморфное в народной культуре, содержит в себе и ориентацию на прошлое, которое всегда осмысливается народной традицией как идеал, как благо, как более совершенная форма существования (каким бы тяжелым это существование ни было). Во всех рассказах лейтмотивом звучит мысль о том, что раньше жизнь была лучше, правильнее, веселее, потому что верили в Бога, соблюдали обычаи и обряды, исполняли связанные с ними ритуалы, что упорядочивало жизнь, делало ее понятной и предсказуемой. А в этом и заключается основное назначение ритуалов, обращенных не только в будущее, но и в прошлое: *«Весело было. Весело, друг, ране было вот это все (речь идет о праздновании святков. — Е. Т.). Теперь этого ничего нету. Пришло бы, может, дети бы лучше были. Занимались, хоть чо-то делали. Теперь... одна ходьба. Ходят по улице без дела»* [ПМА 1]. Ритуал, возвращая в прошлое, призван «наладить», нормализовать современную жизнь.

В течение всех святков по селу ходили ряженые — «старики», «старухи», «медведи», «цыганки» и т. д. Ряженье, называемое в Забайкалье «машкарадами», является одним из наиболее ярких элементов традиционной народной культуры. Основными чертами ряженья являются, прежде всего, изменение внешнего облика человека и особая игровая форма поведения, носящая ритуальный характер. «А переодевались в какие-нибудь одежды, в кого-нибудь наряжались? (Соб.). — *В святки-то? Машкаровались, бегали. О-о-о-й, по всякому разному, кто как сможет, так и облакался. Облакались по-всёму. <...> Я дак вообще любила машкароваться. Меня мама одевала. То парнишком оденет, то старичком оденет, то девчонкой оденет, всяко разно. Тут*

косы заплетет, банты сделает, идешь вечером просишься, запускали. С гармошкой ребята ходили, с балалайкой ходили. Хорошо вообще вот это все было. — А еще в кого наряжались? (Соб.). — Старухой одевались, и в парней одевались. — А в животных одевались в каких-нибудь? (Соб.) — В животных? И в животных удельвали, это, садились на “коня” верхом. Мужиков-то они делают, оденут (конём. — Е. Т.) И как, это, на “коне” едет. Бы-ы-ы-ло все, мой друг. <...> — А когда маскаррадили, что говорили? (Соб.). — А машкаровались ... “Машкарад пустите?” В окошко и стукаем. Оне, кто запускал, не боялся. А у которых ребята еще боялись. “Пустите?” — “Нет, не пускаем. Вы красивы или страшны?”. Мы рвем оттуды: “Красивы!” — “А если страшны, ня пустим!” Ага. Красивы, так заходим: “Ну, заходите”. У кого музыки нету, заслонку возьмет и по заслонке колотит чо-нибудь там, чтоб мы плясали. Танцевали. Вот так стукали. А мы скачем, мы скачем! О-о-о-й, друг, было! Так напляшемся!» [ПМА 1].

В рождественско-святочном комплексе русских старожилов Бурятии при создании ряженого персонажа прослеживаются следующие оппозиции:

– по гендерному признаку: девочки и девушки рядились в «парнишек» и наоборот («Я дак вообще любила машкароваться. Меня мама одевала. То парнишком оденет...» [ПМА 1]);

– по возрастному признаку: молодежь рядилась в «старух» и «стариков» («...то старичком оденет...»; Старухой одевались...» [ПМА 1]); («А мы наряжались в старух, в старух. Всяко на себя надеешь, прибяжишь, ой!» [ПМА 6]);

– по признаку человек — мифологическое/сказочное существо: «Баба Яга», «колдун» («Делали горб обязательно. Вроде я была как Бабой Ягой... Мне сделали подушку сюда» (показывает на спину)); («Я как Баба Яга была, а он (брат информанта. — Е. Т.) какой-то вот вроде как типа колдуна был...» [ПМА 9]);

– по признаку человек — животное/птица: «конь», «медведь», «лиса», «петух» («И в животных удельвали, это, садились на «коня» верхом» [ПМА 1]); («Девки, парни наденем, медведем делались. ...Закутаца, ну, форменный медведь» [ПМА 6]); («...и лиса так приходила вся пушистая; Ряженный петух приходил» [ПМА 8]);

– по этнической принадлежности (русские — нерусские): «цыгане» («Которы пододедутся цыганками-то, вовсе красивые» [ПМА 8]).

Приведем более полные тексты с примерами двух последних оппозиций.

«А шубы наизнанку не надевали? (Соб.). — Надевали! Надевали. Девки, парни наденем, медведем делались. Надевали. Ой, бегали! Надевали, надевали. Шубу вывернет, наденет, на ноги наденет, надеёт, Господи, твоя воля! Закутатся, ну, форменный медведь» [ПМА 6].

«Которы пододедутся цыганками-то, вовсе красивые. Пляшут-то придут, пляшут! Это раньше так, в цыганок. Вот посмотришь, если цыганки, оденутся в цыганкины одежды, ихпустишь. Ой, что они пляшут-то! Гармонист у них свой. Если гармони нету, значит, на балалайке. Балалайки были. Гитар не было как-то, все балалайки. Вот, если посмотришь — цыганки,

значит, их пустишь. Вот уж они тут поют и пляшут. Цыган-то было интересно пускать» [ПМА 6].

Нельзя не отметить, что в последнем примере «цыгане» воспринимаются информантом не столько как «чужие» по этническому признаку, сколько как способные развеселить информанта, доставить ему эстетическое наслаждение. «Естественно, что при разрушении и утрате магической функции на первый план все отчетливее выступало развлекательное значение обряда, — пишет Л. Н. Виноградова, — и расположение или нерасположение хозяев к посещениям колядующих зависело уже от их артистического и профессионального мастерства» [1, с. 22]. Колядовщики/ряженые, способные вызвать веселье, традиционно воспринимались принимающей стороной положительно, поскольку ритуальное веселье — обязательная составляющая рождественско-святочного комплекса. Смех как реакция на действия ряженых имел продуцирующий характер, обеспечивая положительную энергетику наступившего нового года и благополучие в семье. Возможно, на подсознательном уровне это осознается и современными рассказчиками, так как практически во всех рассказах о ряженье присутствует указание на то, как было весело, хорошо, интересно, как все смеялись. Однако в святочном комплексе смех амбивалентен, он выполняет не только продуцирующую функцию, но и предохранительную: когда смешно — не так страшно. Смех как бы оберегал от «нечистой» силы, с которой в «страшные вечера» заигрывали, а то и вступали в прямой контакт (гадания) деревенские (и не только) жители. Святочное поведение определенных групп людей (колядовщики, маскарадники, гадающие) выводило их на границу с потусторонним миром, и именно смех, порой истерический, не позволял эту границу пересечь и не вернуться в «свой» мир: *«Мне запомнилось, Сима наша, это, ворожила на женихов, как говорится. А мы на палатках были, а нам же интересно, мы же малышки были. Там что-то им показалось, как они рванули все оттуда бежать! Смеху...»* [ПМА 9]; *«Кого отгадают, они сразу открывают маски там, хохочут»* [ПМА 7].

По словам информантов, в Святки, в отличие от других календарных праздников (например, Масленицы), ряженье устраивалось в темное время суток — вечерами. И это не случайно, поскольку считалось, что на Святки активизируется/беснуется «нечистая» сила, представителями которой на определенный период времени становились ряженые. В это сакральное время особенно ярко проступает мифологическая оппозиция «свой–чужой»: каждая крестьянская семья и деревенская община в целом, члены которой были хорошо знакомы друг с другом, осмыслялись как «свои», ряженые же воспринимались как пришельцы из «иног» мира и, следовательно, осмыслялись как «чужие». Диалог между «своими» и «чужими», составляющий суть ритуала ряженья, — это игра на грани фола, которую люди могли себе позволить только в строго отведенные периоды народного календаря. В другое время вступать в диалог с представителями «иног» мира считалось крайне опасным. Но и сами ряженые, перевоплощаясь в представителей «иног» мира, рисковали ничуть не меньше. Изменение внешности людей, по народным представлениям, изменяло и их внутреннюю сущность. В процессе ряженья индивидуальные черты человека как бы исчезали, *исчезал и он сам*, а появля-

лось другое, мифологическое, существо — «старик», «старуха», «медведь», «конь», «цыганка» и другие. И здесь существовала опасность для самих ряженных — не вернуться в реальный, «свой» мир. Так, например, по свидетельству некоторых исследователей, в народе верили, что каждый, кто изображает «покойников», будет схвачен уже настоящими покойниками в лесу, утащен и отдан во власть дьявола. Поэтому в целях собственной безопасности ряженные старались быть неузнанными, что достигалось с помощью костюма, сокрытия лица при помощи маски или других подручных средств: *«Машкаровались, наряжались. <...> Одевались. Лицо закроют, а тут на себя наденут одежонку, какая есть. — А лицо зачем закрывали? (Соб.). — Чтоб, видно, не узнали. Лицо закрывали»* [ПМА 3]; *«А как маскировались, во что одевались? (Соб.) — Ну, все... разно оденешь, да... лица закроют марлей, это... тюлью, да и бегут. — А лица зачем закрывали? (Соб.) — А чтоб не узнавали. Я зайду, чтоб меня не узнавали»* [ПМА 10].

Конечно, сегодня информанты не могут объяснить сакральную семантику святочных действий, но традиция оставаться неузнанным в момент ряженья сохраняется, хотя и в трансформированном виде (как, собственно, и весь ритуал): *«Взрослые-то ходили, только они не пели вот эти колядки. Они просто придут молча, в маски оденутся. У нас папа на гармошке играл. Он сразу гармошку достает, и они начинают плясать. Пляшут, поют, но, а сами-то хозяева отгадывают, кто это, допустим, пришел к ним. Они себя не выдают, кто это, но только догадываются. Папа уже знал, кто как пляшет, допустим, у кого какие движения, да все такое. Кого отгадают, они сразу открывают маски там, хохочут. Ну, и последнего отгадывают, пока не отгадают. Весело было. Это было, вот это я хорошо помню, что вот они ходили, а сейчас нет, никто не ходит»* [ПМА 7]. Маски, ритуальное молчание (персонажи потустороннего мира не разговаривают) — все это атрибуты древнего ритуала ряженья. Раньше, если ряженого узнавали, он не имел права продолжать участвовать в ритуале, так как, по народным представлениям, нельзя было быть одновременно и ряженным, т. е. «чужим», и узнанным, т. е. «своим». Во второй половине XX в. традиция ряженья все больше приобретает развлекательный характер, хотя ритуальное веселье, ритуальный смех все еще имеют место. Таким образом, феномен святочного ряженья в целом представляет собой обрядовую форму поведения, реализующуюся в ритуально-игровых действиях, выполняющих продуцирующую функцию в контексте специфики святочного периода.

Важнейшим обрядовым действием Святков являлось гадание с целью предсказать будущее. Если раньше из-за запрета зазывать «нечистую» силу в жилище людей и для облегчения связи с потусторонними силами ворожили в местах, где, по поверьям, обитала «нечисть», — в бане, в подполье, на перекрестках дорог и т. д., то сегодня на вопрос «А можно было в избе гадать?» информант отвечает: *«А чо не можно?»* [ПМА 1].

Святочные гадания считались самыми точными. В это время незамужние девушки (именно они основные действующие лица гаданий) пытались узнать свою судьбу, выйдут ли в наступившем году замуж, если да, то в какую сто-

рону, какой характер будет у будущего мужа, богатый он будет или бедный, сколько будет детей. На каждый из этих вопросов отвечал свой вид ворожбы.

Самым распространенным и доступным видом гадания было бросание обуви через забор: в какую сторону будет «смотреть» носок, в ту сторону и выйдешь замуж: *«Обуток бросали. Обуток бросали через забор. Если туды носком упадет, значит, будет это, в ту сторону, с той стороны будет жених. А если из дома не выйдешь, будешь сидеть дома (замуж не выйдешь. — авт.), и упадет туды — к дому, так к дому. — А что бросали, валенки или сапоги? (Соб.). — Хоть сапоги, хоть валенки, любой обуток»* [ПМА 1].

Гадание производилось и с помощью животных. Особенно популярны (как и по всей России) были гадания с петухом/курицей. Этот вид гадания предсказывал характер будущего мужа, а также его отношение к алкоголю: *«Зерно сыпали на этот, на тарелку, на пол зерно сыпали тоже, гадали, замуж выйдешь или нет. Если зерно курка клюет, курко' пускали, петуха, если петух зерно клюет, значит, не пьяница будет. Если воду пьет он, воду ставили тут же, воду пьет — значит, мужик будет пьяница. В блюдечко наливали воды и тут же зерно»* [ПМА 1].

Приведенный ниже способ гадания знакомил девушку с образом суженого (внешний облик, возраст, род занятий: например, если будет одет в гимнастерку, значит, военный): *«Вот эти ведры замыкали. — Расскажите, это как? (Соб.). — У колодца, ведры-то? А ведры... пойдешь, ведры замкнешь. — Это как? (Соб.). — Ну, возьмешь... у колодца черпают ведро вешатся, и второ вот это ведро возьмешь и на замок замкнешь два вместе ведра. Замкнешь, ключ, значит, под подушку. И снится, какой суженый-ряженный, значит, придет к тебе ключи просить коня напоить, воды взять. Вот. Какой придет ключи-то просить коня напоить ведром, вот тот твой и жених будет. Ну, это все ворожили так»* [ПМА 6]. В данном виде гадания обращает на себя внимание мотив просьбы напоить коня, имеющий в русской фольклорной традиции определенный эротический смысл.

Приведем еще один пример гадания, ранее очень распространенного в Западном Забайкалье, — это гадание на росстани (на перекрестке дорог): *«Ворожили бегали. О, ворожили мы бегали, Господи! Ну, ум худой был, кого, ворожили. Ну, вот это, бегали, вот, в двенадцать часов, вот, это, на росстань бегали, где три дороги расходились. Вот, бегали трое, кажный на дороге ляжет. Надо прислушиваться, какой гул идет. Вот встанем, начинаем хохотать. Одна говорит: “Ой, мне музыка играла”. Друга говорит: “Ой, песни пели мне”. А третья говорит: “А я, grit, слыхала, доски, grit, рубят, строгут”. А оно и потом, хоть вот это было как-то, вранье было всё, но как-то оно совпало. Потом и действительно, вот это музыка играла — она, значит, замуж вышла, втора тоже, вот это песни пели, тоже. А вот эта, которой доску строгали, она умерла. Вот так расскажешь людям, не поверят. Она же умерла, вот»* [ПМА 6]. В результате общения с «нечистой» силой, связанной с миром мертвых, гадающие приобретали знание о своей дальнейшей судьбе (свадьба, смерть и т. д.).

Наряду с ритуальным смехом, со стремлением оставаться неузнанным, в целях собственной защиты обязательной акциональной стороной Святков, по

рассказам информантов, являлось омовение «святой» водой, осмысляемое как очищение от соприкосновения с «нечистой» силой, с миром мертвых. «Освящалась» вода в ночь на Крещение Господне, и после омовения/окропления «святой» водой прекращался контакт людей с потусторонним миром. Крещение, образно говоря, ставило крест (в прямом и переносном смысле) на святочных бесчинствах «нечистой» силы и контактирующих с ней людей: «А за святой водой ходили куда-нибудь? (Соб.). — *А в церкву ходили. Ага, в церкву ходили, возьмешь вот святой воды, и она, главно, долго стоит. ... Обрызгивали, значит, в избе все обрызгнешь, пойдешь во двор, скотину обрызгнешь, все. И вот она вот эта вода свята стоит.* — А зачем брызгают? (Соб.). — *Ну, чтоб черти уходили. Чтоб было все спокойно, аккуратнo все было. Скотина чтоб была здорова. ... Святой очистишь, всех чертей выгна-ла.* — А крестики рисовали? (Соб.). — *А как же? Крестики везде, чтоб черти к тебе больше не зашли. Везде, везде. И на ставнях, и на дверях крестики наставишь накануне вечером, крестишься. Раньше старухи говорили, чтоб черти не заходили, тебя не мучили. Не тревожили черти. А теперь мало этого буют.* — Сейчас делают? (Соб.). — *Ну, а как не делают! Конечно, делают! Крестишься, надо закреститься.* — Это называется закреститься? (Соб.). — *Закреститься, чтоб сатана не зашел. Вот так [ПМА 6].* Таким образом, Крещение завершало святочный цикл, а крещенская обрядность имела и имеет сегодня как очистительный характер, так и характер оберега.

Итак, святочные действия являлись своего рода энергетическим импульсом, дающим начало очередному годовичному циклу. Цель святочного календарно-обрядового комплекса состояла в обеспечении благополучия на весь предстоящий год с помощью продуцирующей магии. Сегодня мы наблюдаем фрагментарное бытование календарных праздников и календарно-обрядового фольклора в русских селах Бурятии. Ушло в прошлое религиозно-магическое содержание многих ритуалов, связанных с народным календарем. Обрядовые действия эволюционируют в сторону развлекательно-игровых мероприятий. И все-таки генетическая память народа, в наиболее значимые для него моменты обращающегося к многовековой традиции, находится в активном состоянии. Поэтому можно констатировать, что семантика устных рассказов русского старожильческого населения Бурятии о праздновании Рождества и Святков — это описание фрагментарно сохраняющихся/возрождающихся традиционных обрядовых действий, связанных с рождественско-святочным комплексом.

Примечания

ПМА 1 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г. Информант: Е. Н. Крылова, 1916 г. р.

ПМ 2 — Полевые материалы Р. П. Матвеевой. Фольклорная экспедиция в с. Кома Прибайкальского района РБ в 2005 г. Информант: А. М. Федотова, 1927 г. р.

ПМА 3— Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г. Информант: А. Г. Низовцева, 1926 г. р.

ПМА 4 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в п. Баргузин Баргузинского района РБ 2008 г. Информанты: супруги М. И. Коневин, 1931 г. р., и Г. М. Ухова, 1937 г.р.

ПМА 5 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Кика Прибайкальского района РБ в 2006 г. Информант: А. Г. Бородина, 1922 г. р.

ПМА 6 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция п. Читкан Баргузинского района РБ в 2008 г. Информант: В. Д. Бросева, 1930 г. р.

ПМА 7 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Нестерово Прибайкальского района в 2006 г. Информант: Л. К. Сысолятина, 1956 г. р.

ПМА 8 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Кабанск Кабанского района РБ в 2005 г. Информант: Илья Жилин, 1996 г. р.

ПМА 9 — Полевые материалы автора. Текст записан в г. Улан-Удэ в январе 2014 г. Информант: А. Н. Тихонова, 1937 г. р., уроженка д. Тимлюй Кабанского района РБ.

ПМА 10 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в Баргузинский район РБ, с. Сухая, 2013 г. Информант: М. Н. Цивилева, 1932 г. р.

Литература

1. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. — М.: Наука, 1982. — 256 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=39984>

3. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. — 143 с.

ORAL NARRATIVES OF RUSSIAN OLD RESIDENTS OF BURYATIYA ABOUT CELEBRATION OF CHRISTMAS AND YULETIDE

Elena L. Tikhonova

Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher, A/Prof., Department of Literature and Folklore, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the oral narratives of Russians of Buryatia about the traditions of Christmas and Yuletide celebration. The analysis of the narratives shows that until the middle of the 20th century the tradition of Christianity and caroling have been actively practiced in the Baikal villages. Today the tradition of caroling revives, but loses its magical function, caroling becomes a kind of entertainment. According to the oral narratives, the tradition of Mummers' Plays still exists; it includes ritual laughter and ritual silence. One of the most important ceremonial actions of Yuletide is a fortunetelling in order to predict the future. In general, the semantics of the oral narratives of the Russian old residents of Buryatia about celebration of Christmas and Yuletide is a description of fragmentarily preserved or reviving traditional ceremonial actions associated with the Christmas-Yuletide complex.

Keywords: oral narratives; Christmas; Yuletide; tradition; ritual; rite; custom.